

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XVI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения по иранистике)

Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1982 г.

А. Н. Болдырев

"РАЗГОВОР ИСКЕНДЕРА С ПТИЦАМИ"

Рассказ о царствовании Искендера ("Роман об Александре") в "Шахнаме" Фирдоуси дополнен рядом эпизодов, отсутствующих как в греческом первоисточнике ("Псевдо-Каллисфен"), так и в известных нам его ранних восточных обработках - сирийской, древнеармянской, эфиопской. Таковы разделы "Посещение Искендером Ка'бы" (и дальнейшие его походы в Миср и Йемен), "Поход за живой водой", "Поход в страну Яджудей и Маджудей", "Сны Кейда царя Каноджа". Если Ф. Шпигель - первый исследователь, обративший внимание на эти дополнения, еще называл их обобщенно "своеобразными восточными выдумками" ("eigentümliche orientalische Erfindungen"¹), а С. Ф. Ольденбург обнажил индийские корни "Снов Кейда"², то Е. Э. Бертельс уже вполне определенно говорит о добавлениях двух видов: 1) "иранские предания, помещенные в начале" /повествования/ - (речь идет о протоиранской версии происхождения Искендера) и 2) "несколько легенд уже мусульманского происхождения, таких как рассказ о поездке к Ка'бе и о фантастической встрече с ангелом Исрафилом, помещенный в конце повествования"³.

Эпизод "Встреча Искендера с ангелом Исрафилом" является заключительной частью небольшого раздела, повествующего о разговоре Искендера с фантастическими птицами, который в свою очередь замыкает изложение легенды о встрече Искендера с Хызром и поисках живой воды в подземном мраке⁴.

Если сюжеты "Поиска живой воды" и "Встреча с Исрафилом" (названия условны) отсутствуют в греческом первоисточнике, то сюжетная основа "Разговора Искендера с птицами" наличествует в нем, а также в старых версиях – сирийской, древне-армянской и эфиопской⁵: Александр видит нескольких странных летящих птиц, одна из них (вариант: сперва одна, затем другая) обращается к нему на греческом языке, сурово напоминая ему о тщете и призрачности его земных успехов. Заимствуя эту сюжетную основу, Фирдоуси переработал ее – монолог птиц превращен в диалог между одной птицей и Александром, с удивительной реалистичностью изображено⁶ поведение птицы на сандаловом столбе и, главное, в вопросах птицы и ответах Искендера тема бренности мира изложена в аспекте мусульманской эсхатологии – жизнь как преддверие сурового дня, возвещаемого ангелом Исрафилом.

ПОДСТРОЧНЫЙ ПЕРЕВОД ЭПИЗОДА:

1. Селевк вышел на свет /из подземного мрака/
Увидел сверкающую гору,
В вершину горы вбиты столбы,
Верхушкой в облаках, из драгоценного дерева,
На каждом столбе большое гнездо,
Сидят в нем огромные зеленые птицы,
Голосом румийским заговорили,
Миродержца победоносного⁷ позвали.
5. Услышав голос, Кесарь пошел,
К птицам приблизился поспешно.
Сказала ему птица: "О ты, возлюбленный страдания!
Чего ты хочешь от этого бренного мира?
Ведь если ты даже до высокого неба достанешь головой,
Все равно вернешься обратно неимущим.
8. /Но/ коль скоро пришел ты /сюда, скажи/: приходилось
ли тебе видеть прелюбодейство,
Или же из золотого кирпича сделанное здание?
Такой дал ответ /Искендер/: "И то и другое бывает –
/И/ прелюбодейство и такого рода местожительство"
10. Услышав ответ, /птица/ села ниже,⁸
Дивился тому муж язденопоклонник

Спросила [птица]: "На свете звук арфы
Слышал ли ты и пение пьяное и песни?"

Так ответил [Искендер]: "Тех, кто в жизни не
пользуется радостью,
Таких [людей] не назовут радостными,
Если даже они душу и сердце свое выложат"

[Птица] спустилась на землю с высокого столба,
Столб остался без той разноцветной⁹ птицы.

15. Спросила [птица]: "Мудрости и праведности
Больше [на свете] или малости и уменьшения?"

Так ответил [Искендер]: "Любознательный
Возвышен среди тех и других".

На столб [снова птица] влезла с черной земли,
Клювом когти почистила,

У кесаря спросила: "Язданопоклонник
В стране твоей обитает ли в горах?"

Ей ответил [Искендер]: "Когда человек очистится,
Не обретает молящийся кроме как в горах места".

20. Со столба вопрошающая [птица] пересела в гнездо -
Мироискательна, тепла духом и радостна,

Когтями точила клюв,
Обретая спасение от воздаяния и воскресения из мертвых.

Приказала Кесарю, чтобы он без людей,
Пешком влез на вершину горы,

Поглядел бы, что есть такое на вершине горы,
Такое, от чего радостному надлежит заплакать.

Услышав [это], Искендер пошел к горе,
Чтобы увидеть взобрался на вершину без людей.

25. Увидел там Серафила с трубой в руках,
Поднявшим голову кверху.

Губы надуты, глаза полны влаги
В ожидании приказа Яздана: "Труби!"

Увидев Искендера на горе,
Подобно грому громкому возгласил:

"О раб стяжания, не тщиь,
Наступит день, когда услышишь глас:

- Не трудись ради венца и престола,
Приготовься к уходу и увяжи пожитки! -"

30. Так отвечал ему правитель:

"Такое мне досталось от судьбы,

Что кроме скитаний в миру
Не вижу ничего из явного и тайного".

С той горы /Искендер/ спустился, стная,
Восхваляя /Господа/ дарителя благ.

В данном контексте только один бейт представляет некоторые трудности для понимания и соответственного отбора предпочтительных чтений. Это бейт 8-ой ("Но/ коль скоро пришел ты..."), по счету приведенного выше перевода, и бейт 1381 по счету упомянутого московского издания (т. УП, стр. 82):

کنون کامدی هیچ دیدی زنا
وگر کرده از خشت پخته بنا

Перевод:

/Но/ коль скоро пришел ты /сюда, скажи/,
приходилось ли тебе видеть прелюбодейство,
Или же¹⁰ из женого кирпича сделанное здание?

Это чтение полностью поддержано и арабским переводом Бундари: "هل حدث الزنا وهل استعمل الآجر في البناء" ("Разве не случается прелюбодейство и разве не применяется жженный кирпич в здании?").

При всей формальной грамматической и логической правильности, бейт этот в таком виде по существу лишен смысла, поскольку остается неясным соотношение членов биннома "прелюбодейство - кирпич" в контексте разговора Искендера с птицей.

Из других существующих разночтений (напр., زنی - تنی, московского издания) продуктивно лишь разночтение زرين вместо پخته предлагаемое иранским изданием Са'ида Нафиси (т. УП, стр. 1889, б. 1407). В этом случае ("... не приходилось ли тебе видеть прелюбодейство или же из золотого кирпича сделанное здание?") сопоставление поэтом понятий "прелюбодеяние" и "здание

из золотых кирпичей" совершенно осмысленно, будучи поэтической парафразой известных стихов 17-ой "этико-дидактической" суры Корана, содержащей энергичное осуждение некоторых тяжких, по мнению Мухаммеда, грехов, в том числе прелюбодеяние (стих 34: "И не приближайтесь к прелюбодеянию, ведь это мерзость и плохая дорога". Перевод И.Д.Крачковского, Коран, стр.223) и расточительство (стих 28-29: "... и не расточай безрассудно - ведь расточители братья сатаны..."). В нашем контексте расточительством является сооружение пышных зданий ("из золотого кирпича" - у Фирдоуси и "из золота" в Коране¹¹).

Отвечая на этот вопрос птицы, Искендер вынужден признать наличие этих грехов на свете. Далее Искендер признает существование пьянства и разгула (второй вопрос), мирской, т.е. суетной, гносеологии (вопрос третий) и в противоположность ей - праведного богоискательского аскетизма (вопрос четвертый). Завершается эпизод явлением Исрафила - ангела, возвещающего конец мира, апофеозом мусульманской эсхатологии. Влияние Корана можно, вероятно, видеть и в том, что Фирдоуси, перерабатывая сюжет, сохранил в качестве действующего лица чудесную птицу, поскольку такая птица имеется в Коране. Это таинственная птица ("таир"), "признак судьбы по представлениям арабов", (И.Д.Крачковский, Коран, стр. 558), которую Аллах прикрепляет к шее каждого верующего (сура 17, стих 14).

"Разговору Искендера с птицами" предшествует рассказ о встрече Искендера с брахманами ("голыми мудрецами" - гимнософистами в греческом первоисточнике), где также путем ответов выясняются нижеследующие фундаментальные жизненные вопросы:¹²
Какими земными благами пользуются брахманы? (ответ: никакими).
Чего на свете больше - явного или скрытого и кого на свете больше, живых или мертвых? (ответ: скрытого и мертвых).
Чего на свете больше, воды или суши? (ответ: "вода бережет сушу", т.е. видимо, воды больше).
Кого можно считать бодрствующим и кто на земле грешник, неизвестно для чего существующий? (ответ: бодрствующий тот, у кого меньше всего мирских благ, а наиболее греховен тот, чей разум затемнен ненавистью и стяжанием).
Кто владеет нашими душами? (ответ: алчность).
Какова сущность алчности, когда избыток ее плачевен? (ответ: алчность и нужда - это два дэва, порождающие дэвов, и т.д.).

Из этих вопросов два непосредственно ("чего на свете больше?") присутствуют в греческом первоисточнике. Остальные, не-

сомненно связанные с зороастрийской традицией ("Авеста - Явишт из рода Фрияна"¹³), носят, сравнительно с вопросами и ответами "Разговора с птицами", явно "языческий, неправоверный" характер, очень далекий от духа исламской догматики. Их даже можно принять за некую апологию брахманизма, зиндикства и т.п.

Соответственно можно думать, что Фирдоуси (именно он, а не его неизвестный нам непосредственный, возможно пехлевийский, первоисточник), вообще насытивший эту часть "Повести об Искендере" исламской тематикой, задумал эпизод "Разговор Искендера с птицами" в качестве некоего мусульманского противовеса "Разговору Искендера с брахманами".

Погружаясь в мир старо-иранских преданий и зороастрийских традиций, Фирдоуси, как видим, еще до окончания "Шахнаме" был весьма озабочен сохранением своей мусульманской репутации в глазах читателей и слушателей поэмы. Это обстоятельство в значительной мере усиливает вероятность известного предания о том, что Фирдоуси в конце жизни столкнулся с необходимостью предпринять гораздо более серьезную - для него, несомненно, и трагическую - попытку доказать свое правоверие сочинением поэмы "Дсуф и Зулейха" на благочестивый коранический сюжет¹⁴.

---

¹ F.Spiegel. Die Alexandersage bei den Orientalen. Leipzig, 1851.

² С.Ф.Ольденбург. Сны Кейда, царя Каноджского, и сны царя Шахашши. Сборник в честь Вс.И.Срезневского. Петроград, 1919.

³ Е.Э.Бертельс. Низами и Фузули. М., 1962, стр. 347.

⁴ "Шахнаме". Критическ. текст, т.УП. Москва, 1968, стр.80, след.; разделы 34, 35.

⁵ E.A.Wallis Budge. The history of Alexander the Great, being the Syriac version of the "Pseudo-Callisthenes". Cambridge, 1889. The romance of Alexander the Great by Pseudo-Callisthenes translated from the Armenian Version with an Introduction by Albert Mugrdich Wolohojian. New-York. London, 1969. Leben und Taten Alexanders von Makedonien. Der griechische Alexanderroman nach der Handschrift I herausgegeben und übersetzt von H. von Thiel. Darmstadt, 1974. Der Brief Alexanders an Aristoteles über die Wunder Indiens. Sinoptische edition herausgegeben von M.Feldbusch, 1976.

6 Птица во время разговора прыгает по столбу, чистит клюв коготками и проч. Вряд ли эти подробности были в нарративном источнике Фирдоуси.

7 Т.е. Искендера.

8 Т.е. Искендер.

9 Выше, б.3, было сказано, что птица зеленая.

10 Несколько случаев такого значения для *وگر* и *گر* в языке "Шахнаме" отчетливо зарегистрировано в словаре Вольфа.

11 Стих 95, в переводе И.Ю.Крачковского "дом из золотых украшений" (*بيت من زخرف*), тогда как в словаре Гиргаса первое - здесь более подходящее - значение просто "золото". Построить "дом из золота" - в Коране одно из нелепых, преувеличенных требований, предъявляемых Мухаммаду его противниками.

12 "Шахнаме", Московск. изд., VII, стр. 64, раздел 28.

13 *Adr.Barthélemy. Une légende iranienne traduite du Pehlevi. Paris, 1888,*

14 Ср. А.Т.Тагирджанов. К вопросу о принадлежности поэмы "Йусуф и Зудайха" Фирдоуси и ее связи с "Шахнаме". Востковедение 6. Ученые записки Ленинградского государственного университета, № 401. Серия востоковедческих наук, вып. 22, 1979, стр. 95.

А.Н.Болдырев

У ИСТОКОВ "ИНДИЙСКОГО СТИЛЯ"

Многие исследователи творчества Хусрава Дехлеви отмечали его новаторство в области поэтического стиля. Так, по мнению Шибли Нузмани, основанному на детальном анализе поэтической техники Хусрава, "...табьи бузаламуни Амир дар ҷиддати услуб ҳазорон пиرويай тоза ва нав падида оварда, ки ба хоби қудамо ҳам наомадааст"¹ (... "многообразный талант Амира Хусрава породил в области обновления стиля тысячи новых украшений, которые даже не снились старым поэтам").

Многочисленные высказывания самого Хусрава не оставляют сомнения в том, что он отчетливо сознавал себя творцом новых средств художественной изобразительности, противопоставляя их традиционным, старым. Этой теме посвящены, напр., два первых раздела (хат) "третьего послания" ("рисолаи саввум") его важнейшего стиливедческого сочинения - обширного трактата "Расоил ул-